

ПУСТЬ ЯРЧЕ ГОРИТ ФАКЕЛ ТВОРЧЕСТВА

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО коллективу Свердловского драматического театра

Дорогие друзья!
Я, как и мои товарищи, воспитывался на спектаклях вашего театра. Еще школьником я не пропустил ни одного спектакля, восторженно лова с балкона каждое слово любимых актеров. Первые сведения о чудесном искусстве драмы я получил в школьном драматическом кружке от покойной Марины Александровны Токаревой, о которой я навсегда сохранил светлую память, как об одном из любимых моих учителей. Вот уже четверть века я с волнением слежу за творческим путем моего любимого театра. И если я взял на себя смелость обратиться к вам с этим письмом, то, поверьте, оно продиктовано искренней заботой о судьбе театра, желанием успехов в его работе.

Последние годы работы театра вызывают у меня, скажу прямо, определенное беспокойство. Что случилось? Есть ли основание для беспокойства? — могут спросить меня. Есть ли в работе театра провалы — порочные по своему идейно-художественному содержанию спектакли? Нет, таких особенных провалов нет, скажу больше — в текущем репертуаре театра нет, по моему искреннему убеждению, ни одного непрофессионального спектакля. Может быть, репертуар театра не соответствует задачам сегодняшнего дня? И этого я бы не сказал, хотя (и я писал об этом) определенные претензии к репертуару зрителя есть. Но в целом репертуар театра приемлем. Как и в каждом коллективе, у вас есть более и менее удачные спектакли, но, кроме, пожалуй, «Утоления жажды», среди них нет спектаклей неприемлемых. Театр хорошо посещается публикой. В кассе не часто остаются непроданные билеты. Вас хвалит свердловская театральная критика, успешно проходят летние гастроли. На афишах — новые имена, появилась талантливая молодежь, которой так не хватало последние годы. Мало в стране коллективов, которые в своем составе имели бы таких ярких театральных художников, балетмейстера, музыкального руководителя, такое блестящее созвездие актеров. Я уверен, что свердловской драме сейчас по плечу любые творческие задачи. В чем же дело? Чем в этом случае продиктовано мое письмо? Стоит ли волноваться?!

Поймите меня правильно. Меня беспокоит отсутствие в последние годы таких спектаклей, которые могли бы стать в работе театра этапными, составить важную веху в его творческой истории. Меня беспокоит, что ни один из поставленных в последние годы спектаклей не стал событием в театральной жизни всей страны, не мог претендовать на сцену Кремлевского театра, на Ленинскую премию. Я не мог бы назвать в спектаклях последних лет и такую интересную актерскую работу, которая заставила бы взволнованно заговорить всю театральную общественность страны.

Ровный, добротный, профессиональный уровень, нет уж очень больших падений (может быть, кроме «Утоления жажды»), но нет и ярких взлетов — так бы я охарактеризовал творческое состояние театра сегодня. Удовлетворяет ли оно вас, товарищи? А ведь яркие взлеты были — и сравнительно недавно. Я вряд ли ошибусь, если скажу, что спектакль «Антоний и Клеопатра» написал новую страницу в «шекспираду» советского театра. Увы! Этого нельзя сказать о «Мере за меру», хотя этот спектакль специально готовился к юбилею Шекспира. А «Сомов и другие»! А «Дядя Ваня»! Где в репертуаре театра сегодня такие спектакли, которые стали бы

праздником советского театрального искусства? Надо ли говорить вам, что настоящее искусство невозможно без горения, без творческой взволнованности, без магического обаяния высокой талантливости, которая захватывает зрителя, вызывает восторг, неподдельное, искреннее волнение. Простите меня, но такого горения я не вижу в большинстве спектаклей последних лет. «Иркутская история» и «Друзья и годы», «Океан» и «В день свадьбы», «Поднятая целина» и «Мера за меру», «Пигмалион» и «Приваловские миллионы» — драматургический материал превосходный. Но, положив руку на сердце, скажите, какой из этих спектаклей полностью удовлетворил бы вас как художников? Да, это хорошие спектакли. Я смотрел их с удовольствием. Но, уходя из театра, я не мог отделаться от впечатления, что ждал большего. Не увидел я в этих спектаклях дерзости, тонкости своего пути, своего прочтения пьесы. А без этого нет победы в искусстве. В каждом ли спектакле живет тот задор, который мы видели в молодежной работе «Белоснежка и семь гномов»?! Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что главным творческим врагом театра стал «спокойный академизм». Вы не согласны с этим?

Мне представляется, что театр работает далеко не в полную силу, что есть еще огромный неизрасходованный запас творческой энергии. Пусть же он не останется втуне!

Непосредственным предлогом этого письма, которое, откровенно говоря, я уже давно собирался вам написать, явился спектакль «Утоление жажды». Неужели, принимая инсценировку неплохого романа Ю. Трифоновка к постановке, театр не чувствовал откровенную слабость драматургического материала, удивительно сочетающего дешевый мелодрамматизм с декларативной риторичностью, которых, кстати, нет в романе. Трудно, конечно, говорить о спектакле по столь слабой пьесе. Но, честно говоря, спектакль усугубил ее недостатки. Как надрывно, мелодраматично играет Леру А. Матер-Лашина, каким театральным «злодеем» предстает перед зрителем Г. Гецов, как бледен и риторичен Карабаш — М. Сухоруков! Я на месте коллектива не поверил бы успокоительно-расплывчатой рецензии Т. Костинской в «Вечернем Свердловске». Что значит «добросовестно сыграть сюжет»?! Можно ли «играть сюжет», если нет ярких и живых характеров? А они в спектакле почти отсутствуют. Не случайно ряд актеров (особенно это относится к В. Фролову, Н. Савицкому, Л. Охлупину и Е. Захаровой) просто повторяют свои старые работы. Спектакль идет вяло, скучно, без огонька.

Беспорядочная беготня по сцене подчас заменяет отсутствующий в спектакле ритм. Шумит за сценой вода, ревет, заглушая актеров, мотор, создающий «всамделишный» ветер, трясется подчеркнуто натуральный (даже фары горят!) газик, так не вяжущийся с условным станком, заунывно кричат чабаны (и тут перебор!), звучат туркменские песни, но правды-то на сцене нет, ибо нет правды характеров основных героев. Надо сказать прямо: спектакль получился неудачным. Мне было больно, что мои иногородние друзья, посетившие этот спектакль, унесут превратное

представление о нашей драме. Вы скажете — в театре всегда могут быть неудачи. От них не застрахован в искусстве никто. Да! Но эта неудача на фоне других спектаклей является свидетельством понижения требовательности театра к своей работе.

Я чрезвычайно высоко ценю замечательных мастеров нашего театра. Но, скажу прямо, дорогой Борис Федорович Ильин, мне хочется увидеть на сцене вашу работу, которая так же бы погрясла меня, как ваш Павел Греков или Яропегов! Весь ли ваш замечательный яркий талант «выложился» в ролях последних лет? Дорогой Константин Петрович Максимов! Мне кажется, что и вы работаете не в полную силу. Как хочется видеть вашу новую работу, о которой с восхищением говорил бы весь Союз! Не вполне, как мне кажется, проявилось в последние годы яркое дарование актеров «среднего поколения». Режиссура театра часто из спектакля в спектакль дает актеру одноплановые роли, в результате в работе появляются штампы, избитые, «поверенные на публику» приемы. Давно уже у нас не ставился спектакль в расчете на того или иного ведущего актера, скажем, на Ильина, Максимова, Шевченко или Шатрову. Не кажется ли вам, что многие актеры, в том числе и молодые, остановились в своем творческом росте? А в искусстве тот, кто не идет вперед, всегда постепенно угасает!

Особо хочется сказать о режиссуре. Нет спектакля, в котором отсутствовала бы грамотная, культурная, квалифицированная режиссура. Но ведь этого мало! Режиссура «Антония и Клеопатры», «Сомова и других» отмечалась самостоятельностью истолкования драматургического материала, яркостью, острым чувством актерского ансамбля. В спектаклях последних лет нет таких ярких режиссерских удач. Речь идет, конечно, не о внешней броскости и яркости формальных приемов (это как раз есть, например, в «Доне Хиле»), а о глубине анализа пьесы, новом, самостоятельном ее прочтении и истолковании. Есть ли оно даже в спектаклях классического репертуара, скажем, в «Пигмалионе» или в «Мере за меру»?

Опять создается впечатление, что и В. С. Витюцкий и А. А. Соколов работают не в полную силу. Великолепный дебют Соколова «Зерно риса» остался, по-моему, лучшим его спектаклем на свердловской сцене.

В чем же причины? Главная причина, по-моему, состоит в творческой самоуспокоенности коллектива театра. Мне кажется, что исчез из жизни театра смелый творческий поиск, появилась какая-то боязнь риска, привычка к проторенным тропам. Все идет «нормально», но хочется, чтобы театр работал лучше! Не всегда добрую услугу оказывают вам и свердловские театральные критики. Восторженные рецензии почти о каждом спектакле мешают подчас коллективу объективно оценить свою работу. В театре нередко каждое критическое замечание рассматривается как «недоброжелательный выпад». Очень не хотелось бы мне, чтобы вы так оценили это мое письмо. Оно продиктовано, поверьте, искренней любовью к моему «второму университету», искренним желанием, чтобы Свердловский драматический театр стал одним из самых лучших, интересных и своеобразных театров страны.

С пожеланием больших творческих успехов
Лев КОГАН,
доктор философских наук.